

Философско-эстетические предпосылки литературоведческой концепции М. М. Бахтина

21 марта 2008 года

Уфа, Восточный институт экономики,
гуманитарных наук, управления и права

Б. В. Орехов (к.ф.н., ст. преп. каф. зарубежной литературы и страноведения БГПУ им. М. Акмуллы), **Е. А. Слободян** (к.ф.н., ст. преп. каф. журналистики ВЭГУ, ст. преп. каф. русского языка БГПУ им. М. Акмуллы), **Ю. М. Камильянова** (к.ф.н., доц. каф. литературоведения ВЭГУ), **М. С. Рыбина** (асс. каф. зарубежной литературы и страноведения БГПУ им. М. Акмуллы), **С. С. Шаулов** (к.ф.н., ст. преп. каф. русской литературы и фольклора БашГУ), **С. М. Шаулов** (к.ф.н., доц. каф. зарубежной литературы и страноведения БГПУ им. М. Акмуллы), **С. Ю. Данилин** (ст. преп. каф. русской филологии БашГУ), **Р. Р. Вахитов** (к.ф.н., доц. каф. истории философии и науки БашГУ), **А. А. Галлямов** (к.ф.н., доц. каф. русской филологии БашГУ)

Б. В. Орехов: Я взял на себя смелость отправить стенограммы наших прошлых заседаний коллегам в другие города. Ответная реплика поступила от д.ф.н. П. Н. Толстогузова из Биробиджана:

Я бы хотел коротко отреагировать на первоначальный тезис М. Л. Гаспарова, из которого произрастает все последующее в его рассуждениях, а именно:

«В культуре есть области творческие и области исследовательские. Творчество усложняет картину мира, внося в нее новые ценности. Исследование упрощает картину мира, систематизируя и упорядочивая старые ценности. Философия — область творческая, как и литература. А филология — область исследовательская. Бахтина нужно высоко превознести как творца — но не нужно приписывать ему достижений исследователя».

Гаспаров безусловно прав, если рассматривать этот тезис с позиции презумпции научности, сформулированной в конце 18—19 вв. Эта позиция предполагает, условно говоря, «сальерианский» и «моцартианский» подходы к деятельности, т.е. владычество парадигмы «креативизма» (Тюпа). Но подобное разграничение не существовало в предыдущий период (например, филология греков и неоплатоников синкретично соединяет творчество-исследование) и постепенно утрачивает актуальность в модернистических парадигмах вт. половины 19—20 вв.

В связи с этим известные мысли Бахтина о необходимости осмысливать «границы» и работать на «границах», а также его исповедания в поздних статьях о собственной манере мышления и филологического нарратива

(«возвраты», «персоналистичность смысла» и т.п.) формируют совершенно другую презумпцию, далекую как от пресловутой научности факта, так и от сомнамбулической безответственности креативистских подходов. Это презумпция соавторства, неизбежного, как представлялось Михаилу Михайловичу, в области гуманитарного знания. Отсюда концепция всепроникающего диалога и проч.

Здесь не может идти речь о преувеличениях или «добросовестных» фальсификациях. Здесь может идти речь о степени соавторства и о комплиментарности подхода. И об этом ясно говорит сам Гаспаров, упоминая о бахтинском «праве на сотворчество». Но зачем тогда он говорит обо всем остальном? Или все же дело в тонкой материи различия между соавторством и сотворчеством? Или все же дело в том, что само творчество уже давно (со времен Ницше и Дильтея) не синоним романтической безответственности?

Т.е. Гаспаров пренебрег (не знаю, в какой степени сознательно) модернистической мыслью Бахтина о гуманитарности как «ино-научности» и о естественном преодолении в гуманитарных контекстах принципа логического тождества. Правда, в конце своего доклада он ссылается на интересное высказывание М. М.:

«Бахтин говорит: „...Но главное: именно то важно, что нельзя доказать настоящему Его существование. Как только появляются подробные реалии, так все исчезает, исчезает вера и истина. Она превращается в классификацию”».

Для чего приведено это высказывание? Видимо, для того, чтобы указать даже не на «философскую», а на религиозную подоплеку бахтинских интенций. «Вера и истина» у Гаспарова под подозрением, как у всякого правоверного позитивиста (в хорошем или не очень хорошем смысле — не хочется уточнять, при всем моем уважении к М. Л.). Попытка разместить веру, истину, знание по разным пробиркам отдаст, извините, какой-то позапрошоловековой затхлостью.

Р. Р. Вахитов: Я со всем согласен. Я об этом же говорил, но не так красиво.

Б. В. Орехов: Ещё одна реплика тоже касается непосредственно нашего разговора. В прошлый раз А. В. Курочкина сказала следующее (цитирую стенограмму заседания):

А. В. Курочкина: Дело в том, что когда он читал этот свой доклад, он, в принципе, и выступал, и сразу было заявлено о том, что это не теоретическое какое-то выступление, конкретная разработка, теоретическая основа. Это своеобразное субъективное прочтение, совершенно очевидное. [...] Когда он читал доклад, это были такие многозначительные паузы, и кроме смеха сидящих в аудитории, это ничего не вызывало. Это было совершенно сделано сознательно. [...] Методологическая вот эта база на основе этой статьи, я не знаю, насколько это оправдано. Потому что комментарий к этому докладу вообще не последовало.

Однако я позволил себе провести некоторые изыскания. Как известно, доклад М. Л. Гаспарова был опубликован в журнале «Вестник гуманитарной науки» (2004. — №6) и благодаря этому сейчас доступен нам через сеть Интернет. Я связался с главным редактором журнала д.ф.н., проф. Ю. Б. Орлицким и попросил его прокомментировать слова Анжелики Валерьевны.

Вот что ответил Ю. Б. Орлицкий (он дал мне разрешение озвучить на сегодняшнем заседании его личное письмо):

Доклад Гаспарова появился не на пустом месте: первые его тезисы, как Вы пишете, «против Бахтина», были опубликованы еще в начале 1970-х гг. в Тарту у Лотмана, думаю, «лотманята» той поры прекрасно их помнят.

Потом в нашем любезном отечестве началась тотальная замена Маркса-Энгельса-Ленина как великих методологов литературоведения на Бахтина; эта истерия в конце концов и заставила толерантного Гаспарова выступить с развернутым докладом о своем отношении к его наследию на конференции в МГУ, а затем и на Лотмановских чтениях в РГГУ. Кстати, после моей публикации этот материал был опубликован еще как минимум один раз.

Заверяю: оба раза Гаспаров говорил совершенно серьезно и без малейшей иронии — разве только в отношении к тем ученым, которые жить не могут без главного авторитета («хозяина»), который способен ответить, как Ленин, на все вопросы. Теперь для этих догматиков таким непререкаемым авторитетом стал Бахтин, с его помощью они, как им кажется, способны уничтожить любого инакомыслящего.

К счастью, это не так, и, полагаю, узнай сам Михаил Михайлович о такой посмертной судьбе своего диалогического наследия, он умер бы от горя еще раз.

Суть выступления Гаспарова, как я его понимаю, заключалась в том, что Бахтин был не филологом, а философом, строившим свои теории на материале литературы. Это — ни в коей мере не обвинение, а попытка объективно разобраться, что к чему в нашей науке, своего рода защита филологии.

Сам факт, что Михаил Леонович согласился прочитать свой доклад дважды, говорит о том, что для него это было очень серьезно и принципиально. В заблуждение тех, кто не знал великого ученого достаточно хорошо, могла ввести его манера изложения материала, предельно толерантная и предполагающая вероятность отличных от его собственной точек зрения. К сожалению, у нас к этому никак не могут привыкнуть: все строится по советской логике «кто не с нами, тот против нас!» Для Гаспарова же такой тон был принципиально недопустим, поэтому я и закавычил выражение «против Бахтина» — правильное будет сказать, это было выступление ЗА филологию как самостоятельную науку, против подмены ее основных принципов заимствованными у «смежников», как это было уже не раз.

Античник-классик по главной профессии, Михаил Леонович вообще с настороженностью относился к любой подобной подмене, что проявилось в его скепсисе по отношению к другим новациям этого же рода: например, к

экспансии в филологию психоанализа, различных вариантов постструктурализма и т.д. Кстати, в свое время Гаспаров достаточно принципиально высказался и «против», как подумали бы некоторые, «самого» Лотмана: среди гениев такое допустимо, это пигмеев такое отсутствие пиетета, плавно переходящего в безоглядное поклонение, приводит в «священный ужас», им без идола нельзя.

Очень жаль, что некоторыми догматиками, не способными представить, что кто-то не может не молиться на их очередную всеобщую икону, не поняли тонкой, но принципиальной позиции настоящего филолога.

Ещё раз повторю слова Юрия Борисовича: «Заверяю: оба раза Гаспаров говорил совершенно серьезно и без малейшей иронии». Таким образом, есть основания усомниться в словах уважаемой Анжелики Валерьевны, будто бы М. Л. Гаспаров подавал свои тезисы в какой-то фарсовой манере, как она пыталась убедить нас в прошлый раз. Это некоторый комментарий к нашему прошлому заседанию. А сегодня планировалось, что Сергей Юрьевич делает доклад.

С. Ю. Данилин: Я сразу начну с предуведомления. Я как-то слишком броско обозначил доклад «Философско-эстетические предпосылки литературоведческой концепции Бахтина», но если говорить в целом о философских предпосылках, то есть о философских основах, то это будет достаточно долгий разговор. Я понял, что нужно ограничиться, по крайней мере, первым трактатом Бахтина «Философия поступка», где, с моей точки зрения, уже заложен, так скажем, тот ракурс рассмотрения и художественного произведения, и эстетики, и нравственности, который в дальнейшем будет развиваться во всех остальных работах Бахтина, и, мне кажется, без основ, изложенных в этой первой работе, невозможно и дальнейшее его понимание. Вот такое предуведомление мне хотелось бы сделать.

Б. В. Орехов: А все клюнули и пришли.

С. Ю. Данилин: Да, но кое-что я сейчас скажу всё-таки. Бахтин, его методология нуждается в реконструкции по различным причинам. И по причинам отрывочности информации. Кроме двух, ну, может быть, трёх книг (последняя книга подготовлена, когда при смерти Бахтин уже был), всё остальное дошло в отрывках. Это во-первых. Во-вторых, черновики сами по себе: и «Автор и герой в эстетической деятельности», и то, что называется «Философия поступка» — всё это ещё не было подготовлено к публикации (мы знаем, как Бахтин работал — при переиздании его произведений долго выверял) — то есть вот такая еще проблема существует. В третьих, Бахтин рассчитывал на соразмерного своему философскому уровню читателя, находящегося в определенном смысловом

контексте. Это уважение к читателю и утеря контекста создают еще один аспект проблемы восприятия его текстов. Поэтому необходима реконструкция. Реконструкция философско-методологических предпосылок, так скажем, Бахтина как литературоведа. То есть того, что отрицает в литературоведении Гаспаров. Причина ещё и в том, что по отношению к Бахтину существуют два подхода, две оценки. Первая оценка — полное приятие и непонимание того, что он говорит — то, что называлось «бахтинским бумом» и так далее. Вторая точка зрения как раз представлена Михаилом Леоновичем Гаспаровым: критика методологии, философской составляющей, своеобразный «вежливый нигилизм» при принятии общегуманитарного пафоса. Опять же тот же Гаспаров говорил о вызывающе неточной терминологии в первой своей публикации, о метафоризме терминологии Бахтина. И всё это создавало определённую атмосферу отношения к терминам Бахтина. И в этом отношении мне как раз импонирует позиция, на сегодняшний день представленная в нашем литературоведении Н. Д. Тамарченко. Первая его публикация по данной проблеме была, насколько я информирован, в 1996 году: «Поэтика Бахтина, уроки бахтинологии», где он как раз поставил проблему терминологии Бахтина. Вот такой у него был отрывочек небольшой: «Причины расхождения позиций бахтиноведов с исследуемыми текстами в отказе от изучения терминологии и системы, стоящей за его терминами философской эстетики и поэтики». То есть за всеми терминами есть выверенная система. И мы как раз на нашем позапрошлом заседании пришли к выводу, что это непонимание, какое бы оно ни было творческое, но создаёт определённые препоны. Доклад, который я бы хотел представить вашему вниманию (извините, если я какие-то всем известные вещи повторю), я хочу так озаглавить: «Первая философия и литературоведческая концепция М. М. Бахтина». Начну вот с чего. В. С. Библиер в первой отечественной монографии о Бахтине назвал первую главу «Гуманитарное мышление Бахтина» и на десяти страницах обосновывает этот парадоксально неправильный заголовок. То есть здесь понятие мышления применяется к человеку вообще, никто не говорит о мышлении Канта или мышлении Ньютона. И в этом определении гуманитарного мышления заложена, по моему мнению, и главная проблема, занимающая Бахтина-философа, и главная проблема понимания Бахтина. Лейтмотивом всех философско-эстетических интуиций Бахтина является стремление преодолеть разрыв между единственным, конкретным мыслительным актом деятельности («мышление здесь и теперь», укоренённое в жизни) и его продуктом, смыслом, теорией, содержанием этого акта деятельности. Или, говоря словами Бахтина, «раскол между смыслом акта деятельности и исторической действительностью его бытия, его протеканием. Акт нашей деятельности, как двуликий Янус, глядит в разные стороны, в объективное единство культурной области и в неповторимую единственность переживаемой жизни». Иногда этот раскол называют «ножницами Бахтина». «Акт нашей деятельности, — утверждает Бахтин в работе “Философия поступка” — должен обрести единый план». Целью этого стремления является воссоздание цельного в своей ответственности полнокровного взгляда на мир. Единственного единства. Таким образом, если для материальных наук, условно

говоря, физики, математики, географии, отрыв конкретного человека от продукта его деятельности является не столь важным, даже принципом объективности может быть, то для гуманитарных наук эта проблема является причиной их кризиса. Возникло, по словам Аверинцева, «гуманитарное знание без человека». «Ведь в теоретическом мире меня принципиально нет», — заявляет Бахтин. Таким образом, Бахтин пытается создать новую гуманитарную науку, то есть новую парадигму, в которой есть место конкретному единственному человеку, конкретному «я». При этом мысли о мире, отстраняющем человека, субъекта мышления от бытия, он противопоставляет мысль в мире, человека, погружённого в бытие, укоренённого в нём. Два момента, мышление, где смысл и мыслящее сознание не отторгнуты друг от друга, и мысли в мире, являются характеристиками «участного мышления», нового типа мышления, которое он провозглашает. Участие как в продукте мысли, так и в жизни, в самом бытии одновременно. Ценностным центром всей бахтинской концепции и в «Философии поступка» и в дальнейшем в «Автор и герой в эстетической деятельности» является конкретный человек, не просто понятие человека, а конкретный человек в его бытии. Ценность определяется активностью человека, его осознанием окружающего, с помощью которого он обогащает мир. Можно отметить следующие формы создания ценностей по Бахтину. Первое. Человек является центром активности и успокоенный мир данности превращает в мир заданности. То есть его активность, устремлённость, делает мир, в котором он живёт, не равным самому себе. Это очень важная оппозиция: мир данный и заданный. Мир в себе является до человека. Бытие, с помощью человеческой активности превращается в событие бытия. «Переживая предмет я тем самым что-то выполняю по отношению к нему», — поясняет Бахтин, то есть делаю его меняющимся, моментом совершающегося бытия. Мир приобретает заданность, то есть от человека мир что-то требует, отношение к миру требует от человека определённых реакций. То есть того, что должно быть, того что желательно. Таким образом, отношение заданности к данности организует ценностное отношение, и эстетическое в том числе. Второй принцип возникновения ценностей: человек является посредником, связующим звеном между миром и его смыслом. То есть абстрактный смысл в себе, возможный смысл мира превращается в действительность посредством человеческой реакции на мир. И третий принцип уже имеет отношение к эстетической сфере: человек, его конечность, является условием эстетической ценности. Не будь конца, смерти — не было бы возможности эстетического завершения как такового. Конечность определяет эмоциональное состояние человека, это осознание своей конечности в мире окрашивает все в определенные «эмоционально-волевые тона». Таким образом, человек как понятие, человек вообще, не может организовать ценность. Это послы к единственному, конкретному, незаменимому человеку, «вот-человеку», находящемуся в событии бытия. «Нет человека вообще, есть я, определённый конкретный другой», — пишет Бахтин. Таким образом, человека в его конкретности нельзя помыслить. В этом случае мы превращаем его в образ, понятие, отторгнутое от самого себя. Человек просто есть, он центр активности, и в этом условии его ценностного

отношения. Признаком конкретного действительного единственного сознания является эмоционально-волевой тон. Эмоционально-волевой тон, выражаемый интонацией, принадлежит голосу, а голос, в свою очередь, воплощается в речи, высказывании. Вообще, голос, по Бахтину — это очень важная категория, очень часто её специфики не учитывают. Именно в голосе, по Бахтину, выражается, так скажем, «дух» человека. Не душа, а дух, очень важная оппозиция. Таким образом, именно в речи особенно полнокровно проявляется ценностная разница между заданностью и данностью. «Живое слово, полное слово, не знает сплошь данного предмета уже тем, что я заговорил о нём — я встал по отношению к нему в некое неиндифферентное положение».

Бахтин подразумевает три формы деятельности человеческого сознания: познавательную, этическую и эстетическую, вслед за Кантом. Каждая из форм деятельности даёт свой продукт. При этом продукт познавательной и эстетической деятельности лежит вне единственного события бытия. А продукт этической сферы, как раз является первичным событием бытия, нравственным бытием. Поясним. Мир как содержание научного мышления есть своеобразно осознанный мир, этим осознанием от меня отторгнутый. Я в этом мире не живу. Для познавательной деятельности достаточен один субъект познания, особенно для познания, скажем так, негуманитарного типа. Для науки не важна моя единственность, наоборот, ошибка индивидуализирует. «В идеале одно сознание, одни уста совершенно достаточны для всей полноты познания». Эстетическая деятельность воплощается в созерцании. В акте видения. Она не создаёт новой действительности, а преднаходит продукт познавательной и эстетической деятельности. Очень важная, опять же, категория преднахождения. То есть здесь как раз Бахтин выступает против креационистского понимания эстетического творчества. То есть серьёзный творец преднаходит изображаемую действительность, а не создаёт, не выдумывает её. (Фиктивность, вымышленность как адекват изоляции — это отдельный разговор).

Здесь необходимо перейти к «первой философии» Бахтина, к нравственной философии, которая получает у него первичный статус.

Как познание воплощается в науке, эстетическая деятельность в искусстве, так и этическая форма деятельности воплощается в поступке, в реальном поступлении человека. Предмет нравственной философии — мир, в котором ориентируется поступок. Поступок, по Бахтину, расколот на объективное смысловое содержание и сам процесс «поступания». Ни одно теоретическое положение не может обосновать поступок. Формально этика лишь обобщает уже совершённые поступки. Нормы свойственны только праву и религии, так как в их основе лежит принцип доверия, авторитета, закона мирского и заповедей Божьих. Только изнутри действительного совершающего поступка, единого целостного в своей ответственности, и подход к единому и единственному бытию в его конкретной действительности. Причём единственное событие бытия, в котором происходит поступок, не мыслится, а есть. То есть в этом как раз проявляется радикальная конкретизация, так скажем, гуманитарного мышления Бахтина. Поступок полон собой и необязательно

нуждается в проявлении. Всё, даже мысли и чувства, есть мой поступок. Жертвенный отказ от себя, упускание себя в бездействии — всё это будет поступком. Поступок — больше, чем поведение субъекта. В нравственном бытии поступок сам является субъектом. У него есть замечательная фраза, она довольно загадочная: «Поступок не со стороны своего содержания, а в самом своём совершении как-то знает, как-то имеет единственное бытие жизни, ориентируется в нём, при чём весь в своей содержательной стороне и в своей единственности, действительности, фактичности. Изнутри поступок видит единый, единственный конкретный контекст, последний контекст, где смысл и факт поступка слиты воедино», о чём, собственно, в начале говорилось. В этом слиянии осуществляется единственная правда и факта, и смысла. Для этого необходимо взять поступок не как факт извне, созерцаемый и эмпирически мыслимый, а изнутри в его ответственности. Таким образом, ответственность, долженствование не имеют источника вне поступка. Поступком правит не закон, а конкретное долженствование, обусловленное единственным местом, выступающим в конкретном контексте события. У долженствования, как его понимает Бахтин, не этическая, а бытийная природа. В плане ответственности воссоединяется и смысловая значимость, и фактическое свершение поступка. Но откуда берётся долженствование поступка? Как выясняется из работы Бахтина, ответственность вырастает из необратимости поступка, из событий бытия, которые невозможно вернуть. «Ответственный поступок есть осуществление решения, уже безысходно, непоправимо, невозвратно... Поступок — последний итог... В поступке выход из только возможности в единственность раз и навсегда». Ответственность поступка проявляется в необходимости принять его неизбежные последствия. Мой долг быть в ответе за факт, который развернётся из моего акта поступка. Факт необратимости поступка связан с единственностью бытия и моей единственностью в этом бытии. В данной единственной точке, в которой я теперь нахожусь, никто другой в единственном времени, в единственном пространстве, единственном бытии не находится. Вот в этом ощущении и осознании своей единственности в пространстве и времени, и заложено, по Бахтину, так скажем, долженствование, то есть необходимость реализации самого себя в поступке. Эта единственность делает моё бытие нудительно-обязанным, то есть внутренне необходимым, а не внешне принудительным. Собственно, отсюда вырастает факт моего «не-алиби в бытии». «Не узнаётся и не познаётся мною, а единственным образом признаётся и утверждается». Вот данная мысль о том, что поступок, вырастающий из моей единственности, и признание этой единственности как основы долженствования является, мне кажется, краеугольным камнем в нравственной философии Бахтина. Свою единственность можно и потерять, не осознав её. Можно жить и в данном мире, то есть не в заданном, а в данном. Это момент моей пассивности, неединственности, случайности в бытии, но он всегда открыт для активной причастности миру. «Моя единственность дана, но в то же время есть лишь постольку, поскольку действительно осуществлена мною как единственность, она всегда в акте, в поступке, то есть в заданном». Долженствование проявляется там, где факт единственности, как необратимость моего бытия,

становится ответственным центром. «Я должен иметь долженствование», — заявляет Бахтин. И только тогда утвердится твой статус участника события бытия. «Утвердить факт своей незаменимой причастности к бытию значит войти в бытие там, где оно не равно самому себе, войти в событие бытия» в том моменте, где возможное превращается в действительность. Мысль, не соотнесённая с моим единственным долженствованием, поверхностна. Возможность хотя и перешла в действительность, но её могло и не быть. Таким образом, поступок обогащает бытие тем, что все значимые ценности бытия из возможных превращает в действительные, центрирует ценности по отношению к себе. Случайная возможность, смысл в себе, область бесконечных вопросов с помощью присутствия конкретного «я», осознавшего свою единственность и необратимость поступка обращается в мир безысходной, нудительной, заданной действительности. Поступок не отвергает ни теоретического знания, ни эстетической интуиции. Он включает их в собственное событие бытия как момент, то есть динамическую часть. Знание превращается в ответственное узвание, творчество не игнорирует жизнь. Таким образом, три области человеческой культуры — наука, искусство и жизнь — обретают единство в личности, которая приобщает их к своему единству, а гарантирует их внутреннюю связь в личности только единство ответственности. И, как заявляет в своей первой опубликованной работе Бахтин, «искусство и жизнь — не одно, но должны стать во мне единым в единстве моей ответственности». Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что первая философия Бахтина, как он её обозначает, пытается «вскрыть и раскрыть бытие события как его знает ответственный поступок». Не продукт поступка, не сам акт поступания, а мир, где он сам себя сознаёт, в точке несовпадения бытия с самим собой. Возникает вопрос: в какой форме может существовать философия поступка, нравственная философия Бахтина, ведь само формулирование её принципов, проговаривание, объективирует эту философию, отстраняет её от самой себя в теоретический мир. Разрешает эту проблему Бахтин следующим образом. Первая философия может быть только описанием, феноменологией мира поступка. Событие может быть только участно описано, то есть описано изнутри после его свершения. Первая философия не знает законов и норм, данных извне. Если поступок может быть описан только изнутри после свершения, то форма этого описания может быть самоотчёт или исповедь индивидуального конкретного человека. Общим моментом нескольких разных миров, воплощённых в исповеди, является не понятия, не законы, а архитектоника как «необходимое, неслучайное расположение конкретных единственных частей и моментов в единое целое». Задача нравственной философии — описать конкретный план мира единственного единства поступка. Таким образом, Бахтин с помощью понятия архитектоники, описания общего плана построения явления, пытается преодолеть «роковой теоретизм» нравственной философии. Это описание конкретной архитектоники есть та граница между теорией и конкретной жизнью, которая стягивает смысл и факт в единое целое. Вспомним так же об утверждении Бахтина, что у культуры нет своей территории, она находится на границе.

Основными конкретными моментами архитектоники поступка являются такие категории бахтинской антропологии, как «я для себя», «другой для меня» и «я для другого». Все ценности действительной жизни и культуры расположены вокруг этих архитектурных точек действительного мира поступка. «Я для себя» — это центр исхождения поступка и активности утверждения и признания всякой ценности, ибо это единственная точка, где я ответственно причастно единственному бытию». Та точка, где укореняется участное мышление. Далее Бахтин постулирует высший архитектурный принцип действительного мира поступка — это конкретно архитектурно значимое противостояние «я» и «другого». Таким образом, исходить из себя, из своей этой частности, это не значит «поступать для себя». (Совершенно верно в этом отношении Бахтина противопоставляют М. Штирнеру) Моя центральность — это не высшая ценность, вокруг которой располагаются и систематически обосновываются остальные жизненные ценности. Моя центральность — это моя единственность. «Я единственный из себя исхожу и всех других нахожу — в этом глубокая онтологическая событийная разнозначность». В распаде мира на «я» и всех «других» и должна заявиться моя долженствующая активность в событии бытия. Архитектоника ценностного распада на «я» и «других» непрерывно осуществляется в поступке, в котором задано архитектурное долженствование, это и есть архитектоника поступка. И очень важным мне кажется недавно только опубликованный завершающий отрывок из «Философии поступка» — это архитектурное противопоставление завершает каждый нравственный поступок и его понимает элементарное нравственное сознание. «Но теоретическая этика не имеет для выражения его адекватной формы. Формы общего положения, нормы или закона принципиально не способна выразить этого противопоставления, смысл которого есть абсолютное себя исключение». Вот эта фраза «абсолютное себя исключение» есть как бы высшая форма долженствования, то есть в самоотречении от себя в мире заданном я человеческое максимально активно. «Отошедший Христос жив и действует в мире событий именно как отошедший из мира». То есть в этом отношении Бахтин как раз апеллирует к символу Христа как символу нравственной активности, провозгласившей абсолютное себя исключение из бытия. Ну и в завершении хочется просто наметить, что вот это представление о новом ракурсе, в котором предполагает Бахтин рассмотрение нравственной философии, мне кажется, и заложена вся остальная гуманитарная специфика Бахтина. Бахтин стремится в дальнейшем отразить в культурных формах становящиеся действительности, не совпадающие с самим собой. То есть событийность дальше становится важнейшим критерием в методологии Бахтина. Соответственно, противопоставление романа эпосу; роман Достоевского, полифонический роман, роману Толстого; металингвистика, которую он провозглашает, опять-таки конкретизацией лингвистики, и лингвистика; карнавал как избыточная действительность. И сам Бахтин в устном выступлении перед защитой кандидатской диссертации о карнавале заявляет: «Такие формы, главная цель которых заключается в том, чтобы как-то уловить бытие в его становлении, неготовности, незавершённости», притом принципиальной

неготовности, принципиальной незавершённости, неразрешимости — вот предмет гуманитарных интересов Бахтина. И объясняется всё это, мне кажется, именно постановкой первой философии Бахтина, выраженной в «Философии поступка».

Б. В. Орехов: Спасибо большое, Сергей Юрьевич. Не могу не отметить, что материал несколько сложен для восприятия на слух.

С. Ю. Данилин: Максимально, что я мог сделать — это переложить, подчеркнуть важные, с моей точки зрения, моменты. Собственно, понимаете, транскрибировать Бахтина, систематизировать его достаточно сложно, потому что необходимо его чтение, погружение. В этом отношении это благодарное занятие — пересказывать Бахтина, в связи с чем могу попросить оправдания.

Б. В. Орехов: Тут, я думаю, что оправданий не требуется. Что, я думаю, интересует всё-таки большинство здесь присутствующих, — это именно связь той системы, которую Вы обозначили, с литературоведческими и культурологическими понятиями. Эту связь Вы только наметили, вот это как раз и хотелось бы чётче проследить: противопоставление эпоса и романа в том, что входит в сферу интересов литературоведов с одной стороны, и с другой стороны, философская система Бахтина.

С. Ю. Данилин: Ну, опять же, Гаспаров несколько раз упрекал Бахтина в его интересах, что ему нравится роман просто, ему нравится карнавал и всё. Здесь как раз проблема не в том, что это нравится ему, а в том ракурсе рассмотрения предмета, который предлагает Бахтин в первой философии, где берёт вот это вот противостояние живой жизни и культуры, продукта мыслительной деятельности, условно говоря. И вот, пытаюсь соединить эти две сферы, преодолевая раскол между действительным мышлением, действительно конкретным творчеством и его продуктом, Бахтин и пытается нащупать именно настоящую действительность. Вот в этом, как мне кажется, смысл его выражения, что у культуры нет собственной территории, она на границе между реальным протеканием, актом поступка культурного или, может быть, нравственного поступка, и смыслом этого поступка. То есть этот поступок смотрит в обе стороны. И вот это стремление к живой жизни, к незавершённым формам и позволяет Бахтину обратиться к этим формам: к романским формам, к тому же карнавалу или двойкой событийности, то есть событие рассказывания и рассказывание о событии. Вот эту мысль мне кажется очень важным донести, что рассмотрение событийности бытия, конкретизации бытия и определяет все дальнейшие интересы Бахтина к роману Достоевского, интересы к тому же карнавалу, к роману как жанру.

Б. В. Орехов: А вот что касается истоков его философии, Вы её не касались?

С. Ю. Данилин: Вы имеете в виду его местоположение, скажем так?

Б. В. Орехов: Да. Влияния, если позволительно будет так сказать.

С. Ю. Данилин: Влияния здесь можно обозначить. Он сам несколько раз их обозначал: Кант в первую очередь, Гуссерль, насколько я понимаю, Герман Коген.

Р. Р. Вахитов: Неокантианец.

С. Ю. Данилин: Да, их в разговорах Бахтин упоминает. Но, опять же, со всеми этими предшественниками он полемизирует. То есть вот этого согласия, так скажем, с устойчивыми формами культуры у него не происходит. Этот радикальный поворот, который он провозглашает, — это поворот, связанный с соединением конкретного событийного акта с его продуктом. Если человек уходит в сферу продукта, условно говоря, созданного, в сферу культуры, то из этой сферы нет выхода к конкретной действительности. Тут, мне кажется, можно вспомнить и Бубера, и Кьеркегора, очень много переключек. Меня всё больше занимает проблема «Бахтин и Лосев». Много с Лосевым переключек на глубинном смысловом уровне. Например, ситуация заданности, то есть реализация себя очень близко к лосевскому понятию чуда. То есть чудо как замысел Бога о человеке, его идеальное представление — это является по Лосеву чудом. Ведь Бахтин своим этим волевым началом нравственной философии и требует от человека нравственного чуда: сделать то, что о тебе помыслил Бог. В этом нудиельность поступка как такового.

Р. Р. Вахитов: А можно предположить, что у Лосева чудо идёт сверху, от Бога, а у Бахтина, по твоим словам (я не специалист по Бахтину), снизу идёт, от человека? Два потока таких.

С. Ю. Данилин: Интересная есть работа у Н. К. Бонецкой «Бахтин глазами метафизика»¹, где она считает, что Бахтин антиметафизичен и в этом его релятивизм. Бахтин, мне кажется, не релятивист. Пафос его работы в другом: что извне данной нормой никак не объясняется поступок человека. Последний выбор за человеком: решать изнутри его поступка. Он не против этих норм, но они решаются в самом поступке, поступании человека.

Р. Р. Вахитов: Просто по Лосеву чудо от Бога. А если это самозванное человеческое чудо — это то, что Лосев сатанизм называл.

С. Ю. Данилин: Понятно, о чём речь идёт. Здесь, с моей точки зрения, важен нюанс, отмеченный в поговорке «На Бога надейся, а сам не плошай».

С. С. Шаулов: Сергей Юрьевич, в этом контексте я правильно понял, что самоотречение Христа он понимает как самоудаление Христа из бытия?

С. Ю. Данилин: Исключение себя из мира как высшая форма нравствен-

---

¹ Бонецкая, Н. К. Бахтин глазами метафизика [Текст] / Н. К. Бонецкая // Диалог. Карнавал. Хронотоп. — 1998. — №1. — С. 103—155.

ности, высшая форма активности.

С. С. Шаулов: Это антихристианская точка зрения.

С. Ю. Данилин: Ну, как сказать, это пожертвование, то есть поступок требует от человека жертвы. Себя никто простить не может ни в коем случае. Пример Христа, мне кажется, именно в жертвенности. Это исключение себя из жизни именно в форме жертвы.

Р. Р. Вахитов: Тогда не из бытия себя Христос исключает, а из человеческого бытия?

С. Ю. Данилин: Да-да.

С. С. Шаулов: Важная поправка.

Р. Р. Вахитов: Да, конечно. Потому что Христос сам бытие. Как он может себя из бытия исключить?

Ю. М. Камильянова: Сергей Юрьевич, а вообще категория «Бог» там есть, в этой работе?

С. Ю. Данилин: В этой работе символ Христа упоминается, именно символ Христа, а категория Бог здесь не встречается. В дальнейшем у Бахтина мы найдём: в диалоге всегда присутствует третий — Высший. Но эксплицитно категория Бог очень редко встречается.

Ю. М. Камильянова: То есть такой конкретной религиозности нет?

С. Ю. Данилин: Конкретной религиозности нет, да.

Р. Р. Вахитов: А вообще он христианином-то был или нет?

С. Ю. Данилин: Да, был.

А. А. Галлямов: Это как в знаменитой реплике Лосева: «Он не сказал о главном — о Боге». Сам Бахтин...

С. Ю. Данилин: ...несколько раз об этом говорил. Главной своей проблемой он считал, что в работе о Достоевском он «вилял», как он сам сказал, туда-сюда и ни разу не упомянул Бога. Это связано с ситуацией, когда писалась эта работа и так далее. Там есть специальные оговорочные формы, когда он подразумевает Творца, но всё-таки упоминания мы в работе о Достоевском не встретим. И Бахтин по этому поводу, мне кажется, переживал.

Р. Р. Вахитов: Но это цензурные условия, скорее.

С. Ю. Данилин: Наверное, да.

Р. Р. Вахитов: Был такой советский философ, Генрих Батищев, диалектик очень известный, ученик Ильенкова, он потом принял христианство, его имя в крещении Иоанн. Вот он писал работы и везде писал «Универсум». Под Универсумом подразумевался Бог. Кто понимал, тот понимал.

А. А. Галлямов: У меня такой вопрос возникает в связи с термином «поступок». У меня ощущение, что Бахтин его употребляет в древнерусском значении слова, вместо слова «подвиг». Дело в том, что в древнерусских житиях есть различие подвига и поступка. Поступок как одномоментный акт и подвиг как деяние, как длительный временной лаг.

С. Ю. Данилин: Там есть такое понятие — постоянное поступание, в этой работе.

А. А. Галлямов: Может быть, прямой ссылки найти и невозможно.

С. Ю. Данилин: Кажется, в комментариях об этом говорится. То ли Аверинцев, то ли Гоготышвили в первом томе они комментируют термин поступок. Надо будет посмотреть просто.

А. А. Галлямов: У меня ощущение, что он воспользовался термином «поступок» (вместо того, чтобы воспользоваться термином «подвиг»), потому что в древнерусской литературе это широко использовавшийся термин и он как раз гораздо больше подходит для описания того, о чём пишет Бахтин.

Б. В. Орехов: Только ли в древнерусской?

А. А. Галлямов: Не только в древнерусском, но вообще в русском языке сам термин предполагает не акт, а деяние.

С. Ю. Данилин: Да, постоянное событие поступания получается. То есть постоянно длящееся.

С. С. Шаулов: В языке XIX века ещё есть это употребление: не акт, а поступание. В XX всё-таки уже одновременно встречается.

А. А. Галлямов: Может быть, когда мы говорим об основах философии Бахтина, нужно учесть ещё и русский менталитет, не просто влияние Канта, западноевропейских философов.

С. С. Шаулов: В XIX веке «подвиг» встречается в значении чего-то длящегося

Б. В. Орехов: Это можно проверить по корпусу.

Р. Р. Вахитов: Ну, монашеский подвиг — он же долго продолжается.

М. С. Рыбина: Получается, что Лотман в одной из своих поздних статей «Смерть как проблема сюжета»¹ идёт вслед за Бахтиным, подразумевая, что факт смертности делает из жизни человека эстетический феномен?

С. Ю. Данилин: В принципе, да. Мы, помыслив о человеке уже тем самым эстетизируем его, он исключён из нашего бытия. Как и персонаж эстетического объекта, он тоже исключён из события бытия, в котором мы находимся. Вот в этом, мне кажется, параллель бахтинская того, что... вот этот термин изоляция встречается в дальнейшем в «Эстетике словесного творчества» и «Проблема материала в форме и содержании». Изоляция — это не просто вымысел. Она изолирует персонажа из реального события бытия, в котором находится автор, тем самым делая его состояние подобным смерти. То есть он исключён из нашего события бытия. И само понятие смертности даёт особые эстетические эмоции. Бахтин, например, несколько раз с сожалением отмечает, что психология эмоции не развита, было бы очень инте-

---

¹ *Studies in Slavic Literature and Poetics*, Vol. XX; *Literary Tradition and Practice in Russian Culture*, Amsterdam — Atlanta, 1993.

ресно, если проанализировать эмоциональное переживание своей конечности как основы эстетического. Вообще конечность человека как таковую, его завершённость.

Ю. М. Камильянова: Это, опять-таки, получается в христианской традиции.

С. Ю. Данилин: Да.

С. С. Шаулов: Вот я слушал и чем дальше, тем больше понимал, что исходя из Бахтина вообще невозможно строить методологию литературоведения.

С. Ю. Данилин: В какой-то степени это так, но, опять же...

С. С. Шаулов: Или я не прав?

С. Ю. Данилин: Опыт Тamarченко и Тюпы (РГГУ, кафедра теоретической и исторической поэтики) мне кажется достаточно плодотворным. Ведь то, что Тamarченко использует и термины Бахтина...

С. С. Шаулов: Нет, использовать термины можно!

С. Ю. Данилин: А! Согласен. Имеется в виду всю систему в целостности? Но, опять же, работа о Достоевском, например? Она же вырастает из «Эстетики словесного творчества».

С. С. Шаулов: Я как раз буду говорить о работе о Достоевском.

Р. Р. Вахитов: То есть мы только Бахтиным будем заниматься. (*всеобщий смех*) Я не ожидал этого.

С. Ю. Данилин: В чём смысл того, что я сказал, вот этот ракурс нужно учитывать при рассмотрении гуманитарного наследия Бахтина. Гуманитарное представление о конкретизации бытия в поступке. Вот этот момент очень часто не учитывается, событийный аспект.

А. А. Галлямов: У меня лично складывается впечатление, что Бахтин не хотел использовать термины, которые были созданы до него, а выработать новую терминологию, новую парадигму не представлялось, видимо, возможности. Ну, в частности, он говорит о полиморфности бытия, о полиморфности сознания. Сами эти термины, которые в наши дни широко распространились, он не употребляет, вот Сергей постоянно говорит об этом. Потом то, что человек существует в некоторых пространственно-временных точках, будучи единственным. То есть в одном отношении он в одном пространстве и времени существует... как и все мы, здесь сидящие. Но при этом он не пользуется этой терминологией. Может быть, претензии к Бахтину отсюда идут? Термины, которые он использует, нельзя использовать дальше, надо заменять на какие-то другие.

С. Ю. Данилин: То есть традиция терминологическая не сложилась, получается.

А. А. Галлямов: Да, не сложилась терминологическая традиция, а она, видимо, и не могла сложиться в тех рамках, в которых он существовал.

Р. Р. Вахитов: У Хайдеггера сложилась. И что? Ему это помогло?
(всеобщий смех)

С. Ю. Данилин: Там с Хайдеггером тоже много точек соприкосновения.

Р. Р. Вахитов: А вот насчёт Маркса, интересно, как?

С. Ю. Данилин: Социологическая терминология употребляется, но в неканонических текстах, но так однозначно я бы сейчас не ответил.

Р. Р. Вахитов: Но такого влияния, в общем-то нет, как ты считаешь?

С. Ю. Данилин: Мне кажется, терминология используется, но, опять же, во второй половине двадцатых годов, может быть, с целью маскировки, на иной терминологической территории. В принципе, «Социологическая поэтика» — это то же, что он говорит и в «Авторе и герое...», развивал эти идеи в дальнейшем, но в другой терминологической традиции.

Р. Р. Вахитов: Как у Лосева, такая же проблема.

А. А. Галлямов: Возможно, что у Бахтина такие же высказывания можно встретить. Лосев же говорил о том, что каждую лекцию он начинал и заканчивал славословием Сталину.

Р. Р. Вахитов: Ну, у Лосева серьёзней всё, я просто этим занимался в своё время.

А. А. Галлямов: У Бахтина это было то же самое.

Р. Р. Вахитов: Лосев стремился как-то ассимилировать Маркса. Вобрать в свою концепцию.

С. С. Шаулов: Получилось?

Р. Р. Вахитов: Получилось, да. Я даже об этом писал, и могу сделать доклад об этом, если есть желание, у меня есть новые тексты, которые ещё не опубликованы.

Б. В. Орехов: К очень интересным обобщениям мы пришли, но мне хотелось бы вернуться к проблеме частного порядка, не очень для меня ясной. Вот, Сергей Юрьевич, прокомментируйте, пожалуйста, «преднахождение». Вы только вскользь этого коснулись — спора с креационистским пониманием творчества.

С. Ю. Данилин: Да-да, несколько раз Бахтин употребляет этот термин: автор не придумывает, не выдумывает героя, он не творит его, это всё было бы случайно. Он его преднаходит, преднаходит уже в бытии, в поступке уже совершаемом. И в этом такой странный парадокс. Бахтин говорит, что, будто бы герой существует уже до его осмысления автором, до того, как он попадает в сферу авторского созерцания. Здесь момент для меня тоже немножко загадочный, но постоянно «автор преднаходит героя». И в этом смысле расхождения, мне кажется, могут быть с традиционным литературоведением. С тем же Корманом. У Кормана креационистская трактовка создания, а у Бахтина — преднахождение. Соответственно, в этой возможности преднахождения уже заложена и дальнейшая возможность диалога. То есть

как может творец говорить с творимым? С другой стороны, в христианской традиции явно показывается возможность такого диалога. Но вот термин «преднахождение» Бахтиным употребляется — и в «Философии поступка», и в «Эстетике словесного творчества».

С. С. Шаулов: Но он его никак не раскрывает?

С. Ю. Данилин: Ну, он его раскрывает каким образом? В «Философии поступка» он заявляет, что сфера эстетическая уже основывается на материале событий бытия — этической и познавательной сферы. То есть автор уже находит героя, который уже оценил мир и с познавательной точки зрения, и с этической точки зрения. И в этом отношении он его преднаходит. Вот, может быть, определённый онтологический аспект в данном случае берётся.

Р. Р. Вахитов: А вот тут есть параллель с платонической концепцией творчества?

С. Ю. Данилин: Вот у меня тоже возникает вопрос об этом. Я для себя тоже отметил, что напрашивается параллель с платонизмом.

Р. Р. Вахитов: Отсюда и тема Лосева уже.

С. Ю. Данилин: Да-да. У меня очень много получается переключек с Лосевым, я даже удивился сам.

А. А. Галлямов: Всё это связано ещё и со степенью сложности объекта. Одно дело сотворить стол, он не требует от тебя ответной реакции. А степень сложности героя... Когда мы говорим «предзадан», мы намечаем какие-то пространственно-временные контуры, которые дальше живут по своим законам. Здесь мы его преднаходим.

С. Ю. Данилин: Ну, то же самое, что Толстой о Пушкине вспоминал: «Что вытворила моя Татьяна, взяла и выскочила замуж». Может быть, нечто подобное здесь как раз и подразумевается.

Р. Р. Вахитов: Ну, это смерть автора в таком классическом виде.

С. С. Шаулов: Ну, это либо платоновская концепция, либо то, что сейчас было сказано. Потому что это разные вещи, на самом деле.

Р. Р. Вахитов: Мне кажется, тут две альтернативы: платонизм и постмодернизм. Либо гипертекст, либо предвечные идеи.

А. А. Галлямов: Ответ на математическую задачу (сами математики столкнулись с этим парадоксом) может быть найден только тогда, когда ты интуитивно уже знаешь его, т.е. предзнаешь, преднаходишь.

Р. Р. Вахитов: Я как платоник с этим согласен: что всё, что надо знать, уже в душе содержится. Познание есть припоминание, говорит Платон.

А. А. Галлямов: Но это предзаданное живёт по своим законам.

Р. Р. Вахитов: Постмодернисты пришли к этому же, но без идеи Бога.

А. А. Галлямов: Слово «постмодернизм» мне вообще не нравится, я не знаю, что это такое.

Р. Р. Вахитов: Деррида, Бодрийяр, Кристева.

А. А. Галлямов: Это я понимаю, это я тоже слышал.

Р. Р. Вахитов: Ну, если так говорить очень просто (я понимаю, что тут большая сложность в дефинициях), то постмодернизм — это отрицание модерна, в данном случае, идеи автора как демиурга текста, но отрицание не возвращающее нас в плоскость средневекового платонизма.

С. Ю. Данилин: Где автор один.

Р. Р. Вахитов: Где, собственно, автор один, да. Постмодернизм — это попытка создать мир идей без Бога.

А. А. Галлямов: Да и не только без Бога. Ещё понятие личности — как оно появилось. Когда мы говорим об авторе, мы в первую очередь говорим об активно действующем субъекте.

Р. Р. Вахитов: Естественно. Не о личности в христианском смысле слова, а о субъекте.

А. А. Галлямов: Там личности как таковой вообще нет в современном понимании.

Р. Р. Вахитов: Конечно, нет.

А. А. Галлямов: Понятия авторского права там вообще не существовало. То, что сейчас так всех волнует.

Р. Р. Вахитов: Постмодерн и есть отрицание всех этих идей, порождённых парадигмой Просвещения.

А. А. Галлямов: Там считали за благо, если тебя приняли за другого: обозвали Дионисием Ареопагитом, например.

С. Ю. Данилин: Уже похвала.

Р. Р. Вахитов: Вот для меня почему постмодерн и интересен, он показывает ограниченность модерна, его исчерпанность.

А. А. Галлямов: Так вот в данном случае Бахтин выступает...

Р. Р. Вахитов: Так вот я и не могу понять. Я лично воспринимал Бахтина как предтечу постмодернизма. Возможно, потому что через призму Кристевой на это смотрел.

С. Ю. Данилин: Я очень скептически отношусь к тому, что Бахтина называют предтечей постмодерна. Это, мне кажется, прочтение Юлии Кристевой и компании делает Бахтина постмодернистом. Творческое прочтение, творческое непонимание создаёт уже новую концепцию Бахтина. То есть своего Бахтина.

Р. Р. Вахитов: А ты Бахтина вписываешь в христианскую традицию?

С. Ю. Данилин: Верховенский Петруша: «Человека сам себе сочинит да с ним живёт». Вот так же сочинили своего Бахтина и с ним живут.

Р. Р. Вахитов: То есть, есть западный Бахтин, есть русский Бахтин.

С. Ю. Данилин: Ну, как сказать...

Ю. М. Камильянова: А есть просто Бахтин.

С. С. Шаулов: То есть вопрос сводится к тому, христианин Бахтин или

постмодернист?

М. С. Рыбина: Для кого как.

Р. Р. Вахитов: И, мне кажется, сам Бахтин на него бы не ответил.

С. Ю. Данилин: Тут каждый находит своего Бахтина. Вот Тамарченко интересное замечание делает о том, что (и вот Ю. В. Манн говорил о том, что) когда начинаешь читать Бахтина, вдруг понимаешь, что он уже ответил на те вопросы, которые ты сейчас начинаешь ему задавать. То есть тексты его обладают внутренней диалогичностью. Те проблемы, которые возникают у тебя в голове, ты начинаешь читать, и уже вдруг находишь ответы Бахтина, хотя до этого их не находил. Только у тебя возникают вопросы, как при обращении к текстам даются ответы. Такой нюанс есть.

А. А. Галлямов: То, что волнует людей в данный момент времени, это не обязательно нечто значительное в течение длительного отрезка времени. Бахтин просто поставил такие вопросы, которые разрешаются (в том числе в «Философии поступка») на каком-то определённом временном промежутке. И поэтому то, что сейчас принимают или не принимают Бахтина — это ещё не означает, что они его понимают вообще. Может быть, с течением времени ситуация в обществе, в его интеллектуальном состоянии приблизится к тому уровню, который преднашёл (если воспользоваться его термином) сам Бахтин.

Р. Р. Вахитов: Мне идея Барта дорога о том, что любой текст обладает бесконечным количеством смыслов, и просто в определённой социальной обстановке мы вычитываем те или иные. Эти представления к Средневековью ещё восходят: что Библия, как хвост павлина, там множество цветов. То есть Кристина была в своей обстановке, в обстановке Запада 60-х годов, она вычитала революционера Бахтина, а мы вычитываем христианина Бахтина. А сам он вряд ли бы смог ответить на этот вопрос однозначно.

М. С. Рыбина: Результат становится смыслом, теорией, концепцией, которая потом начинает интерпретироваться, а анализируется тот смысл, который представляется наиболее актуальным в настоящий момент данному интерпретатору.

Р. Р. Вахитов: Мы вступаем в диалог с Бахтиным, когда его читаем. Нет какого-то непосредственного чистого факта перед нами.

Б. В. Орехов: Но ровно то же можно о многом сказать, это не уникальный случай Бахтина.

Р. Р. Вахитов: Безусловно, да.

А. А. Галлямов: Мы можем сказать, что если Гаспаров хотел строго объективного, точного восприятия любого гуманитарного объекта исследования, то Бахтин подчёркивал, выражаясь языком лингвистики, его принципиально полевою структуру.

Р. Р. Вахитов: Ну, это же вопрос в рациональности. Толстогузов об этом же пишет. Просто у Гаспарова представления о рациональности восходят к парадигме классической физики, а у Бахтина несколько иные представления

о рациональности, поскольку философски Гаспаров живёт в XVIII веке или даже в XVII, а Бахтин всё-таки в XX.

А. А. Галлямов: Бахтин живёт тогда вообще до нашей эры.

Р. Р. Вахитов: Я думаю, что тут, конечно, неокантианство есть. Бахтин просто не так наивен в вопросе об объективности, потому что он Канта пережил, а Гаспаров как-то мимо этого прошёл.

С. Ю. Данилин: Как раз Бахтин в разговоре с Дувакиным говорит, что лет в четырнадцать или пятнадцать прочёл Канта и иногда понимал.

(всеобщий смех)

Р. Р. Вахитов: Что значит «понимал»? Так как Кант сам это понимал?

С. Ю. Данилин: Он читал не в переводе Лосского, я так понял, что по-немецки.

Р. Р. Вахитов: Как сам Лосский. Нет, я просто шучу. Ведь это вопрос понимания. Понимал Канта, как сам Кант понимал? А понимал ли сам Кант себя? Вот Фихте говорил, что Кант себя не понимает.

С. Ю. Данилин: Возвращаемся на круги своя опять.

Б. В. Орехов: Действительно, эти проблемы уже поднимались. Мы пришли к тому, о чём уже шла речь в позапрошлый раз: каждый создаёт своего Бахтина.

Р. Р. Вахитов: Ну, тут есть искушение впасть в релятивизм. Между Бахтиным и нами нужен диалог, нужна какая-то структура, которая как-то влияла бы.

С. Ю. Данилин: Мне кажется, для Бахтина противостоянием созданию своего есть понятие ответственности. То есть вот это осознание ответственного поступания и ограждает человека, исследователя от выдумывания чего-либо. То есть прежде чем говорить о том, что каждый создаёт своё представление о чём-то, нужно максимально ответственно подойти к пониманию того, что изложено у человека, чьё творчество мы изучаем. Нужно ответственно пытаться понять его.

Р. Р. Вахитов: Да, чтобы не звучало так, что мы что хотим, то и придумываем из текста. Нет, мы должны как-то приходиться к объективности, но нам неоткуда идти к объективности, кроме как от субъективности, поскольку мы сами субъекты, и всё знание, которым мы располагаем, — это субъективное знание. И поэтому нужно диалектическое претворение субъективности в объективность, которое через диалог только возможно.

Б. В. Орехов: Звучит хорошо, но не очень ясна практическая реализация такого претворения. Есть ещё какие-то реплики? Конечно, уже чувствуется психологическая исчерпанность темы, которая неожиданно оказалась очень продуктивной.

С. Ю. Данилин: Если говорить о прошлом заседании, то для меня остаётся открытым вопрос о возможности овладения чужой методологией. Это всё равно пахнет пародийностью какой-то.

А. А. Галлямов: А это только так и будет. Вспомни самого Пушкина — «Евгений Онегин». Он сам себя пародировать начинает в конце романа. Сам автор к этому приходит.

Р. Р. Вахитов: А что плохого в пародии?

А. А. Галлямов: Вот если бы он ухитрился одномоментно, за одну секунду всего «Евгения Онегина» написать, тогда мы точно могли бы сказать, что это один и тот же автор. Он его писал восемь лет. За восемь лет он сам изменился, его представления изменились. Естественно, всё поменялось. Поэтому это судьба, по-моему, любого нормального литературного произведения: оно всегда не завершено, оно всегда противоречиво. Оно обязано быть таким. И в конце концов автор вообще перестаёт писать. Достоевский же вообще тетралогию хотел «накатать» — «Братья Карамазовы». Это у него только вступление к роману.

С. Ю. Данилин: Я не о том хотел сказать, а о том, что мы вот говорим, что мы создаём всё равно свой образ изучаемого учёного. То же самое: мы создаём свою методологию. Я, например, не уверен, то есть, я на сто процентов уверен, что я создал не то, что Гаспаров хотел видеть в своей методологии. Это опять же моё видение методологии Гаспарова. Как бы я ни хотел её максимально близко воссоздать из того, что мне было доступно, но с методологией у нас получается та же самая проблема.

А. А. Галлямов: Сергей Юрьевич у нас в данном случае выступает в качестве берклианца. «Мир есть моё представление».

Р. Р. Вахитов: Нет, Беркли так не считал. У Беркли мир — это представление Бога.

Б. В. Орехов: Здесь лично у меня два вопроса. Первый: что Вы имеете в виду, когда говорите «попахивает пародийностью», какой смысл Вы вкладываете в понятие «пародийность», оценочный?

С. Ю. Данилин: Можно сказать «пародичность» в безоценочном смысле — то, что это вторичность. Я опять же вспоминаю Ромэна Гафановича <Назирова>, он говорил, что, по большому счёту, каждый создаёт свою методологию, овладеть чужой методологией невозможно.

Б. В. Орехов: А вот по стенограмме видно, что Вы в дискуссии с Юлией Вадимовной задаёте очень правильный вопрос: вообще существует проблема литературоведческой методологии? Как бы Вы сами на него ответили?

С. Ю. Данилин: То, что у нас получается, показывает, что проблема существует, но каким-то образом имманентно, то есть у человека она вырабатывается, но чтобы пытаться её систематизировать — это достаточно сложный процесс.

М. С. Рыбина: То есть, существует, но мы к этому приходим.

Б. В. Орехов: Да, вот именно: а как мы к ней приходим, вообще говоря?

М. С. Рыбина: И приходим ли вообще?

Б. В. Орехов: А можно ли *научить* литературоведческому анализу, если

всё это только на интуитивном уровне существует?

А. А. Галлямов: Это как с обучением орфографии и пунктуации. Пунктуации научить можно. Она достаточно логична, её можно объяснить. Орфографии научить нельзя. Это либо ты сам читаешь определённое количество текстов, не менее трёхсот наименований, — и тогда ты знаешь орфографию, либо не читаешь этого необходимого и достаточного количества текстов — и тогда ты не знаешь русскую орфографию. По правилам её выучить нельзя. Я уж не говорю про ударения. Почему *контролировать* ударение ставим на *-ирова-*, на суффикс, но *премировать* — почему не *премировать*? Почему не *контролировать*? Этому научить нельзя!

Р. Р. Вахитов: Но, тем не менее, все мы это учим.

Б. В. Орехов: Позвольте я провокационный вопрос задам: все согласны с Азаматом Абдрахмановичем? Не можем мы научить литературоведческому анализу?

С. С. Шаулов: Ремеслу — можно.

Б. В. Орехов: Это слишком афористично.

Р. Р. Вахитов: У Майкла Полани есть такое понятие — личностное знание. Он говорит не о литературоведении, а вообще о науке. В науке можно научить, разумеется, при наличии определённых способностей у ученика, но нет рационалистических технологий, которые можно было бы использовать. Это именно личностное знание: нужно общаться с человеком, нужно вжиться во внутренний мир учителя и тогда ты научишься.

А. А. Галлямов: Только в диалоге это можно сделать.

Р. Р. Вахитов: Как, кстати, в средневековом цехе ремесленников. Подмастерье же не только стоит у станка и смотрит, как ремесленник работает. Он у него дома живёт, он что-то среднее между прислугой и приёмным сыном. Он его во всех ситуациях наблюдает, он пропитывается его духом. Вот это и есть личностное знание. Научить можно. Но не всех. И не каждый может научить.

Б. В. Орехов: Интересно, что по этому поводу сказал бы Гаспаров. Он, скорее всего, занял бы другую позицию.

Р. Р. Вахитов: Безусловно. Он же позитивист. Они же считают, что есть набор каких-то правил.

А. А. Галлямов: Он же преподавал, студенты были разные, и он на собственном опыте знал, что не всех можно научить.

Б. В. Орехов: Всё-таки в первую очередь он научный работник.

С. С. Шаулов: Потом, он античник всё-таки. С античной литературой несколько проще работать.

Р. Р. Вахитов: Почему? Все авторы умерли?

А. А. Галлямов: Потому что она умерла.

Б. В. Орехов: Я протестую, Достоевский бессмертен!

С. С. Шаулов: Она завершена для нас, мы имеем достаточно ограничен-

ный набор текстов и традицию их восприятия многовековую.

Р. Р. Вахитов: Сложный вопрос. Что значит «завершена»? Интерпретации до сих пор не прекращаются.

М. С. Рыбина: А что это упрощает?

А. А. Галлямов: Насчёт традиций. Вот:

Здесь лежит купец из Азии. Толковым
был купцом он — деловит, но незаметен.
Умер быстро: лихорадка. По торговым
он делам сюда приплыл, а не за этим.

Кто автор?

Все хором: Бродский!

А. А. Галлямов: Фиг вам! Надгробная надпись. Это перевод Бродского.

Б. В. Орехов: Даже, кажется, не вполне его перевод¹.

С. Ю. Данилин: Да, он тоже использовал.

Б. В. Орехов: Но то, что существует определённый канонический ракурс рассмотрения античной литературы — здесь я соглашусь с Сергеем Сергеевичем.

М. С. Рыбина: С этим никто не спорит. Но упрощает ли?

Р. Р. Вахитов: Просто позитивистам легко жить потому что они исключают из сознания некоторые вопросы, они их не задают. Вот «я текстолог», а что такое текст? А неважно. «Я их читаю».

С. Ю. Данилин: Ну, как электрик, как мы говорили в позапрошлый раз, не задумывается, как горит лампочка. Она же горит? Работает и работает.

Р. Р. Вахитов: Вот если брать философию позитивизма, то в чём её суть как раз состоит. Все почему-то считают, что позитивизм — это такой гносеологический оптимизм: что мы можем познать мир. Нет. Позитивисты считают, что мир познать нельзя. Можно описывать явления природы, а сущность их нам неизвестна.

С. М. Шаулов: Классифицировать.

Р. Р. Вахитов: Да, и всё. Гаспаров же тоже из этого исходит. Разговор о сущности литературного текста для него уже ненаучный разговор.

С. Ю. Данилин: Да, он же говорит: опись.

Р. Р. Вахитов: Это как бихевиоризм в американской психологии: мы зна-

---

¹Симонид Кеосский:

Родом критянин, Бротах из Гортины, в земле здесь лежу я,
Прибыл сюда не за тем, а по торговым делам.

Пер. Л. Блуменау в кн.: *Античная лирика* [Текст]. — М.: Художественная литература, 1968. — С. 181

ем, что если сделать то-то, то получится то-то, а что происходит в психическом мире нам не важно. Мы не можем узнать этого. Для меня это чуждый подход.

Б. В. Орехов: Наверное, можно поздравить друг друга с завершением сложной темы.

Р. Р. Вахитов: Мы её даже не начинали.

Б. В. Орехов: Насколько это в наших силах, естественно.

А. А. Галлямов: Мы всего-навсего завершили тему «Гаспаров и Бахтин» для себя. Всего-навсего.

Р. Р. Вахитов: Лично я не завершал.

А. А. Галлямов: Хорошо, мы тебя поставим в угол.

Р. Р. Вахитов: В красный угол, надеюсь?

А. А. Галлямов: В красный.

Б. В. Орехов: На этом, если позволите, мы и завершим наше сегодняшнее заседание.

Отклик д.ф.н., проф. Н. Л. Васильева

Оглашено на заседании семинара 19 апреля 2008 г.

Прежде всего хочу поблагодарить Вас за возможность ознакомиться с материалами уфимского теоретического семинара, поскольку всегда полезно знать, что именно волнует умы коллег-филологов...

В данном случае вы начали с заочной методологической дуэли М. Л. Гаспарова (1979; 2004) с М. М. Бахтиным. Оба ученых представляют высшие достижения отечественной филологии, но в разных ампулах. Один — философ, сублимировавшийся в условиях советской идеологии под маской литературоведа и реже лингвиста, прошедшего школу западной «философии языка». Другой — наследник традиций «точного литературоведения», прежде всего стиховед, а стиховедческая методология накладывает особый конкретно-позитивистский отпечаток на мышление и метаязык любого исследователя, хотя и в ней есть место для колебаний, диалектики и философской интерпретации материала, как и в «царице наук» математике. Первое антибахтинское выступление М. Л. Гаспарова пришлось на время, когда культ Бахтина в филологии еще только формировался; второе — когда интерес к бахтинскому наследию в какой-то мере стал затухать, вследствие определенной исчерпанности этой темы и усвоения того, что пришло с ней¹.

Думаю, что М. Л. Гаспаров во многом прав, говоря о филологической неточности, своеобразной девиантности метаязыка М. М. Бахтина и порой неакаде-

---

¹См. об этом: *Васильев, Н. Л. Феномен бахтиноведения в СССР (России), или В поисках утраченного времени [Текст] / Н. Л. Васильев // Невельский сборник: Статьи, воспоминания. — Вып. 9. — СПб., 2004. — С. 62—67.*

мической манере его научного изложения. Но парадоксальным образом в этом заключается особая привлекательность трудов ученого старшего поколения! Кто из нас не восхищался бахтинскими формулами и вариациями, не цитировал целыми фрагментами соответствующие работы! Может быть, бахтинская проза — это не только «роман», как остроумно заметил М. Л. Гаспаров (1979), но и драматургия, учитывая многоголосие Бахтина как автора, его привязанность к категории диалога и к литературной маске...

Бахтинские идеи и методология специфичны, в чем-то одноразовы, их неразумно экстраполировать на иные литературные объекты; они при всей своей привлекательности неотрывны от конкретного художественного материала и отчасти от своего «хронотопа». По этому поводу В. М. Жирмунский когда-то заметил в письме к В. Б. Шкловскому (6.IX.1970): «Критиковать Бахтина трудно, если учитывать страшные условия его биографии, но ты это делаешь с достоинством и в “академ.” тоне. За универсализацию, имеющую совершенно безобразный характер, его не хочется бранить: это увлечение “первооткрывателя”, тебе тоже хорошо известное, но, конечно, было бы страшно <...>, если бы вслед за Бахтиным его поклонники стали во всех периодах мировой литературы открывать “народное смеховое творчество”»¹. Приведу еще две реплики такого же рода, фиксирующие постепенную бахтинизацию гуманитарных наук²: «В научном отношении Тынянов, в определенном смысле, подобен Бахтину: конкретные идеи часто ложные, а концепции предвзятые <...>» (Ю. М. Лотман — Б. Ф. Егорову. 31.VII.1984)³; «Бахтин был, прежде всего, КЛАССИФИКАТОРОМ. В этом — самая слабая сторона всех его работ. <...>. Только две статьи Бахтина (“Эпос и роман” и “Слово в романе”) я готов признать классическими. Все остальное — крайне спорно и субъективно. <...> В настоящее время наука должна свободно и творчески двигаться дальше, учитывая наследие Бахтина так же, как наследие его оппонентов — Шкловского, Эйхенбаума, Томашевского, Жирмунского (которым также принадлежала “часть правды”) — и многих других ученых. Утверждая полифонию Достоевского, Бахтин в своих работах, как это ни парадоксально, крайне монологичен и дидактичен. Свидетельство тому — не только его книги о Достоевском и Рабле <...>»⁴. Так что антибахтинские выступления М. Л. Гаспарова вовсе не прецедент, а скорее норма для ученых академического уровня, будь то «формалисты», «структуралисты», «позитивисты» или представители традиционного литературоведения... И в этом контексте М. Л. Гаспаров оказывается, может быть, одним из самых деликатных и диалектичных критиков М. М. Бахтина!

С М. М. Бахтиным можно и нужно спорить, не эপিгонствуя, а вступая с

¹ См.: *Переписка* Б. М. Эйхенбаума и В. М. Жирмунского [Текст] // Тыняновский сборник: Третьи тыняновские чтения. — Рига, 1988. — С. 321.

² См.: *Васильев, Н. Л.* Бахтинизм как историко-культурный феномен [Текст] / Н. Л. Васильев // Бахтин и время: Тезисы докл. IV Бахтинских чтений. — Саранск, 1998. — С. 10—12.

³ *Ю. М. Лотман*: Письма 1940—1993 [Текст] / Сост., под-ка текста, вступ. ст. и коммент. Б. Ф. Егорова. — М., 1997. — С. 331.

⁴ *Фридлендер, Г. М.* [Ответ на вопросы редакции по поводу 30-летия со

ним в диалог⁵. Исследования же М. Л. Гаспарова в области стиха образуют относительно (!) абсолютное (!) знание о русской или европейской поэзии, не зависимое от времени и социологии бытия... Его методика преемственно связана с предшественниками в сфере «точного литературоведения» и объективно воспроизводима.

Вместе с тем я готов согласиться с мнением, что в основе полемики М. Л. Гаспарова с М. М. Бахтиным могли лежать и вненаучные обстоятельства, например ревность одного ученого к популярности другого, раздражение против феномена повальной моды на Бахтина: «Через четверть века — вторые гаспаровские антибахтинские тезисы. Есть в этом что-то психологическое и личное, а не только научное: словно наш сильный филолог лично и глубоко задет явлением Бахтина»⁶.

Но стоит ли придавать этому спору такое уж большое значение? Гораздо позитивнее для ученых сосредоточиться на собственно научных исследованиях, а не вносить в филологию «вторичные моделирующие системы» (подразумеваем под этим контрпродуктивные интеллектуальные упражнения герменевтического и полемического толка).

В заключение хочу отметить высокий уровень дискуссии уфимских ученых по поводу избранного предмета и особенно — пародию Л. А. Каракуц-Бородиной «“Станционный смотритель” как фаллотипический дискурс», ценную одновременно как напоминание о вульгарно-социологических изысках прошлых лет.

Н. Л. Васильев. Саранск. 1.04.08.

времени выхода второго издания книги М. М. Бахтина о Ф. М. Достоевском] [Текст] / Г. М. Фридендер // Диалог. Карнавал. Хронотоп. — 1994. — № 1. — С. 15.

⁵ См., например: *Васильев, Н. Л.* «Многоголосие» или «образ автора»? О двух моделях интерпретации авторского начала в художественном тексте [Текст] / Н. Л. Васильев // Проблема автора в художественной литературе: Тез. докл. региональной межвуз. науч. конф., посвященной памяти проф. Б. О. Кормана (Ижевск, 14—16 ноября 1990 г.). — Ижевск, 1990. — С. 12—13; *Он же.* Теория металингвистики в филологической концепции М. М. Бахтина [Текст] / Н. Л. Васильев // М. М. Бахтин: Проблемы научного наследия. — Саранск, 1992. — С. 45 — 52.

⁶ *Бочаров, С. Г.* Бахтин-филолог: Книга о Достоевском [Электронный документ] // Proceedings of the XII International Bakhtin Conference (Juväskulä, Finland, 18 — 22 July, 2005) / Edited by Mika Lähteenmäki, Hannele Dufva, Sirpa Leppänen and Piia Varis [Department of Languages University of Juväskylä, Finland 2006. — ISBN-10 951-39-2725-3; ISBN-13 978-951-39-2725-7]. — С. 7.